

«новый романтизм» и известный вопрос о соотношении для человека личного, интимного, с «общим», общечеловеческим: «Законно и праведно требование человека на личное счастье, — пишет критик, — разумно и естественно его стремление к личному счастью; но в одном ли сердце должен заключаться весь мир его счастья?... Если бы вся цель нашей жизни состояла только в нашем личном счастье, а наше личное счастье заключалось бы только в одной любви, — тогда жизнь казалась бы действительно мрачною пустынею, заваленною гробами и разбитыми средцами. Но — хвала вечному разуму, хвала попечительному промыслу! есть для человека и еще великий мир жизни, кроме внутреннего мира, — мир исторического созерцания и общественной деятельности, — тот великий мир, где мысль становится делом, а высоко чувствование — подвигом, и где два противоположные берега жизни — *здесь и там* — сливаются в одно реальное небо исторического прогресса...»¹

Эти мысли Белинского, безусловно, сопоставимы с теми идеями и настроениями, которые рождает чтение произведения Лермонтова². В их свете герой поэмы может восприниматься как протестант против старого мира и старой морали, а его крах — как осознание Лермонтовым ограниченности индивидуалистического протеста, невозможности найти смысл жизни «только в любви».

Известная справедливость такой трактовки подтверждается и линией развития творчества Лермонтова, которое в большой мере идет параллельно с развитием Белинского, Герцена и всей передовой мысли России 30-х гг. XIX века.

Исследователями уже прослежено развитие мировоззрения поэта, отмечено углубление взгляда на мир, характеризующее последние годы его жизни. Автор последней редакции поэмы *Демон* — это уже не пылкий юноша первых вариантов и не светский аристократ, впервые явно ощутивший свой разрыв с обществом. Это человек, прошедший суровую школу кавказской службы — с ее трудностями, лишениями и опасностями, с ее своеобразными условиями, сближающими офицера с солдатами — переодетыми в шинели крестьянами. Это человек, целыми месяцами живший в обществе этих солдат, ночевавший у их походного костра, деливший с ними пищу — и, конечно, не только пищу. Глубокая чуткость Лермонтова и заложенный в нем с детства интерес к народу — к его жизни, его творчеству — приводят поэта к подлинному сближению с этими простыми людьми. Он глубже проникается народными интересами, приобретает народную точку зрения, народный взгляд на вещи (см. *Завещание, Валерик*), в нем созревает и укрепляется подлинный демократизм, занимающий место «субъективно-салонного взгляда на жизнь» (Белинский), который в известной мере характеризовал его раньше.

¹ В. Г. Белинский, *Полное Собр. соч.*, т. VII, стр. 174.

² Любопытно привести в связи с этим свидетельство П. В. Анненкова о том, как воспринимал поэму Лермонтова сам Белинский. По словам мемуариста, критик видел в ней «кроме изображения страстей еще и пламенную защиту права человеческого на свободу... Драма, развивающаяся между мифическими существами, имела для Белинского совершенно реальное содержание, как биография или мотив из жизни действительного лица». П. В. Анненков, *Литературные воспоминания*, Ленинград, 1928, стр. 249.